

РЕЦЕНЗИИ

P. Hirst, G. Thompson, *Globalization in Question. The International Economy and the Possibilities of Governance*, Polity 2000, p. 318.

Термином «глобализация» определяются как экономические, политические и социальные процессы и явления, так и их результаты. Широта данного термина способствует возникновению множества толкований, в которых подчеркиваются, в частности, рост взаимозависимости между участниками международных отношений, значение информационной революции и либерализации движения капитала для развития процессов глобализации, углубление диспропорций в развитии между разными районами мира, изменение условий труда или роль государств в управлении процессами глобализации.

Рассуждения о генезисе и характерных чертах глобализации, а также последствиях, которые она вызывает в государствах, обществах или транснациональных корпорациях, находят свое выражение в растущем количестве публикаций на эту тему, рассматривающих различные аспекты данного процесса. В многократно переизданной (первое издание – в 1996 г.) работе *Globalization in Question. The International Economy and the Possibilities of Governance* Пол Хёрст и Грэм Томпсон демифологизируют много популярных мнений, касающихся восприятия глобализации. Профессор Пол Хёрст является преподавателем Биркбекского колледжа Лондонского университета, автором, в частности, работ *War and Power in the Twenty-First Century* и *Representative Democracy and its Limits*. Профессор Грэм Томпсон преподает в Открытом университете и известен как автор многих публикаций, например, *A Globalized Economy and its Political Challenges* и *The new global history; towards a narrative for Pangaea Two*.

В работе *Globalization in Question. The International Economy and the Possibilities of Governance* особого внимания заслуживает аргументация авторов, указывающая на миф, касающийся существ-

вования «глобальной деревни», которая описана МакЛюэном. П. Хёрст и Г. Томпсон представляют логическое умозаключение, отмечающее с виду парадоксальный факт: **глобализация не является глобальной...** Либерализация торговли, инвестиции или движение капитала существуют прежде всего между наиболее развитыми государствами т. н. Триады. Эта тенденция систематически укрепляется, углубляя различия между государствами, извлекающими наибольшую пользу из глобализации (и населяющими их т. н. **выигрывающими обществами**), и остальными государствами, чей уровень экономического развития, а в особенности отсталость в сфере современных технологий и информационного обмена не позволяет вполне воспользоваться результатами этих процессов. Таким образом, по мнению авторов, нет оснований утверждать, что мировая экономика является «глобальной системой».

В девяти главах авторы представляют стройную и интересную концепцию развития мировой экономики, а также размышляют над ролью государств в формировании глобализационных процессов. Читатель легко заметит трехчастное построение книги. В первых двух главах представлен очерк изменений, происходящих в мировой экономике. В следующих четырех рассмотрены развитие и растущее значение транснациональных предприятий, различия между экономической активностью государств т. н. Севера и Юга, влияние международной конкуренции на предпринимаемую экономическую деятельность, а также причины и ход т. н. азиатского кризиса 1997 г., изменения в функционировании государства-опекуна, растущая роль миграции и ее последствия для стабильности национальных экономик. Последние три главы посвящены методам и возможностям управления мировой экономикой, с особым учетом роли Европейского Союза как наиболее продвинутой и сложной интеграционной «структуры». Последняя глава как раз и сконцентрирована на роли государств в формировании направления развития современных процессов глобализации.

П. Хёрст и Г. Томпсон, используя таблицы и графики, доказывают, что в 1945-1973 гг. господствующим фактором в развитии мировой экономики была торговля, с начала же 80-х годов самым важным фактором для него стали непосредственные иностранные инвестиции. В первой половине 90-х гг. более 60% населения планеты получило лишь 16% непосредст-

венных иностранных инвестиций. Это означает, как образно говорится в публикации, чуть ли не «виртуальную вымарку» данной части населения с экономической карты мира в пользу территорий, извлекающих выгоду из притока этих инвестиций. Авторы подчеркивают вытекающий из анализа экономических данных вывод: углубление диспропорций в мировом масштабе чревато опасностями, которые могут появиться при усилении данных тенденций. Указывая данную асимметрию, авторы в то же время задают вопросы: как долго такое отсутствие равновесия может удержаться и как можно говорить о «глобальной системе мировой экономики», если почти две трети населения отодвинуто от выгоды, которую приносит свободное движение капитала и приток непосредственных иностранных инвестиций?

Люди по-прежнему остаются «менее мобильны», чем капитал, товары или услуги. П. Хёрст и Г. Томпсон рассматривают деление работников на три общие категории: «клуб» наиболее образованных работников, получающих высокую зарплату и мобильных, люди, переезжающие с места на место в поисках лучших условий жизни, а также относительно мало мобильное остальное население мира, составляющее наибольший процент работников. Как указывают авторы, несмотря на популярную риторику, касающуюся глобализации, **большинство населения мира живет в замкнутых мирах (*closed worlds*)**, обреченное на это фактом своего в них рождения. Здоровье и доход не являются глобальными, они неравномерно разделены между бедными и богатыми в отдельных государствах и обществах, убеждают авторы.

Действительно, проблема углубляющихся диспропорций в уровне экономического развития в разных регионах мира становится все более важным аспектом изучения развития процессов глобализации. Мне лично, однако, в публикации не хватает (это не упрек в адрес авторов, а скорее пожелание к следующему изданию) углубленного анализа результатов международной помощи отдельным государствам, например, африканского континента или странам Латинской Америки, а также возможной оценки антиглобалистских движений.

П. Хёрст и Г. Томпсон доказывают, что нет экономических оснований для рассмотрения процессов, называемых глобализацией, в качестве «нового явления» в мировой истории, ибо современная экономика с некоторых точек зрения менее открыта и менее взаимосвязана, чем в период 1870-1914 гг. В

публикации указывается, что ключом к дискуссии на тему процессов глобализации являются отношения между т. н. Севером и Югом, а также различия, проявляющиеся в движении капитала и инвестициях. Глобальные рынки влияют на рост конкурентоспособности субъектов, действующих на них, но инвестиции и движение капитала существуют между наиболее развитыми экономиками, и поэтому мобильность капитала не выравнивает различий и диспропорций между регионами. Таким образом, авторы подрывают тезис о привлекательности более низкой стоимости труда в развивающихся государствах, так как в **новой экономике** нужны прежде всего квалифицированные специалисты, а менее развитые страны зачастую не могут предложить такой инфраструктурной и научной базы, которую обеспечивают развитые государства.

П. Хёрст и Г. Томпсон указывают, что, если играющие главенствующую роль в мировой экономике государства Триады решатся на сотрудничество, они смогут использовать имеющиеся средства для того, чтобы определять направления развития глобализационных процессов. Рынки без использования таких средств останутся вне регулирования, что может угрожать стабильности мировой экономики. Управление на уровне государств Триады, имеющее целью, в частности, стабилизацию курсовых различий, координацию фискальной и монетарной политики, сотрудничество в области ограничения спекуляции краткосрочными трансакциями, которые постулируют авторы, остается пока, на мой взгляд, вопросом, требующим изучения.

Думается, следует подчеркнуть некоторые замечания авторов, касающиеся развития интеграционных процессов в современном мире. В публикации рассматривается роль Европейского Союза как наиболее сложной из существующих интеграционных «структур». Авторы говорят о значительной степени асимметрии между тремя компонентами Триады и указывают на ключевую роль ЕС в формировании отношений в этой системе, именно с точки зрения уровня продвинутой интеграции ЕС. Евросоюз по-прежнему далек от завершения данного процесса (одной из проблем остается, например, вопрос о его репрезентации). ЕС не является и не будет государством, как Соединенные Штаты, поскольку он, что подчеркивают авторы, представляет собой новый тип международного сообщества, который трудно описать, пользуясь понятийной сетью, создаваемой в исследованиях, посвящен-

ных суверенитету государств. П. Хёрст и Г. Томпсон выдвигают при этом тезис, заслуживающий, на мой взгляд, внимания: **направление эволюции Европейского Союза** будет самым важным фактором, влияющим на развитие концепции управления мировой экономикой. Говоря о восточном расширении ЕС, авторы подчеркивают значение его отношений с государствами средиземноморского бассейна и утверждают, что события в этом регионе (в особенности в мусульманских странах – Турции, Египте и Алжире) в значительной степени будут влиять на дальнейшее политическое развитие Европейского Союза.

Много места отведено авторами размышлениям на тему возможностей государств в управлении процессами глобализации. По их мнению, мировая экономика может рассматриваться как международная, а не глобальная, а ее главными актерами остаются – вопреки распространенному мнению – государства. Они приводят теоретическое понимание суверенитета в общественных науках, например, сложившееся после Вестфальского мира 1648 г. Нынешние государства менее автономны, более взаимозависимы, обладают меньшими возможностями контроля над экономическими процессами. «Без войны, без врагов государство становится менее значимым для граждан», – заключают авторы.

Однако именно государство обладает правом передачи атрибутов суверенитета – и от этого не становится «менее суверенным», а его роль как законодателя будет укрепляться. Если же, как доказывают авторы в следующих главах, международная экономика не означает автоматически глобализированной экономической системы, государства должны играть самую важную роль в управлении процессами развития. Управление мировой экономикой возможно на разных уровнях, в частности, посредством соглашений между наиболее развитыми государствами, путем создания специализированных организаций, таких, как ВТО, с помощью интеграционных блоков, подобных ЕС или НАФТА, путем проведения согласованной политики на национальном и региональном уровнях.

Принимая утверждение о том, что самым важным в международной системе остаются государства, следует заметить, что интеграционные процессы приводят к изменениям в функционировании государств. При этом речь идет не о пересмотре их суверенитета, а скорее о способах, возможностях и

методах уменьшения негативных аспектов глобализации. Глобализация создает для государств новые вызовы, характер которых зависит от экономической силы и политической позиции отдельных стран, так как социальные последствия касаются прежде всего увеличения безработицы (в мировом масштабе) и существующих различий в уровне экономического развития отдельных регионов мира. Поэтому существует прежде всего потребность активной деятельности государства с целью нейтрализации противоречий и ослабления негативных тенденций, что требует способности государства к принятию и исполнению решений.

Эва Мазяж

Michael F. Feldkamp, *La diplomatie pontificale de Sylvestre Ier à Jean-Paul II. Une vue d'ensemble*¹. Les Éditions du Cerf, Paris 2000, p. 133.

История папской дипломатии, охватывающая свыше 1500 лет, – это, казалось бы, тема, которую можно раскрыть лишь в серии толстых томов. Тема для постороннего наблюдателя противоречивая, так как, с одной стороны, наводит на мысли о деятельности по укреплению мира и повсеместно признаваемом моральном авторитете современного папства, а с другой – ассоциируется с мрачной тайной *Sanctum Officium* или временами Борджиа, которым кинжал и смертельный яд служили для достижения вполне земных целей. Между тем Михаэль Ф. Фельдкамп – немецкий историк, теолог и философ – рассмотрел ее оригинально. Он сосредоточил свое внимание на институциональном аспекте, на статусе и роли папских посланников в период от Арлезианского синода до понтификата Иоанна Павла II включительно. Благодаря этому, а также необычайно лаконичному представлению результатов исследований читатель получает объективное (лишенное поучений и сенсационности) изложение темы на ста с немногим страниц.

Задачи и возможности деятельности посланников папы естественно менялись сообразно эволюции самого института папства. Когда в 314 г. представители Сильвестра I впервые

---

¹ Папская дипломатия от Сильвестра I до Иоанна Павла II.

появились в синоде, их задача состояла прежде всего в соблюдении единства христианства, скрепленного до этого необходимостью противостоять религиозным гонениям (С. 11). Речь шла как о сохранении чистоты вероучения, так и главенства епископа Рима перед лицом притязаний других патриархов – антиохийского, александрийского, иерусалимского, но прежде всего константинопольского. Не случайно первые постоянные представители папы (*apocrisiaires*) направились в столицу Восточной империи. Если на заре средневековья функции апостольского викария и миссионерского легата имели прежде всего духовный и административный характер, то с возникновением Церковного государства и его связей с возрожденной Западной империей они изменились. Легаты при дворе Каролингов были дипломатами в полном смысле этого слова, представляющими политические интересы своего верховенства. Так же было и во время борьбы за инвеституру, вплоть до конца тридцатилетней войны, когда авторитет папства как политической силы, с которой следовало считаться, окончательно упал (С. 63). Папа не был уже *arbiter mundi*, однако это не означало потери политического авторитета Апостольской столицы. Он заметен до сегодняшнего дня, проявлением чего стало, в частности, вовлечение в процесс Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе и в некоторой мере в поддержание мира на Ближнем Востоке (С. 103, 105-106). Изменилась же его основа – это уже не территория, а „правление душ“.

Ошибкой было бы сводить функции апостольских посланников к роли отличающихся лишь титулами представителей главы просто еще одного государства. В столь высоко централизованном институте, каким является Католическая церковь, они были также важным инструментом реформ. Начиная со времен папы Льва I Великого, Тридентского собора и заканчивая II Ватиканским собором, они в большой мере способствовали внедрению „на местах“ постановлений главы. Они являлись и до сих пор являются фактором, благодаря которому можно было реализовать миссию универсальной церкви. Конечно, и эта миссия со временем подверглась значительным изменениям. Некогда она состояла в заботе об обращении и подчинении папству всех регионов мира. Это нашло свое институциональное подтверждение в учреждении в 1622 г. Конгрегации по пропаганде веры, охватывающей

европейские протестантские страны и католические миссии в колониях (С. 57). Отдаленность от центра и задачи особой важности заметно повысили в то время роль нунциев, что не всегда приветствовали светские элиты и местное духовенство. Один из немецких юристов XVIII в. ничтоже сумняшеся утверждал, что „за последние двести лет к нам из Италии прислали [...] лимоны, блюда, генуэзскую лотерею, кастратов и папских нунциев. Ни один из этих продуктов не обошелся нам дороже, чем последний” (С. 68). Сегодня же миссия универсальной церкви не имеет ничего общего с духовным покорением, апостольские посланники скорее находятся посюду там, где имеются потенциальные верующие.

В силу своей сложности миссия папского посланника требовала от него высокой квалификации. Она нередко оказывалась преддверием большой карьеры. Дьякон из рода Анициев в течение шести лет был представителем папы в Константинополе, пока сам не стал папой Григорием I Великим (С. 18), Павел V – еще как Камилло Боргезе – был послан с миссией ко двору Филиппа II Габсбурга, а Акилле Ратти, будущий Пий XI, был нунцием в Польше (С. 85). Хотя посланник Рима снабжался инструкциями, их неоднократно нельзя было вовремя доставить на большое расстояние. Поэтому в этой роли часто выступали выдающиеся личности, с сильным характером, которые умели действовать гибко. Автор обращает внимание на то, каким образом развитие средств транспорта изменило ситуацию представителей Апостольской столицы. Сейчас рекомендации и инструкции можно в течение нескольких минут отправить на другой конец земного шара, благодаря чему облегчаются управление и контроль и в результате растет централизм, дипломатия концентрируется на личности папы, а также существующего с начала XVII в. Государственного секретариата.

Размышления немецкого исследователя склоняют к рефлексии над сутью влияния Ватикана на международную ситуацию в XX и XXI вв. Правда, с момента заключения Латеранских соглашений папство восстановило свою территориальную базу, однако понимаемый нетрадиционным образом его потенциал влияет на то, что энциклики (например, *Mit brennender Sorge*), официальные поездки и прочие шаги главы Католической церкви имеют, кроме духовного, также политический характер. Трудно представить себе более тонкий аспект власти, основанной не на силе, а на моральном автори-

теге. Такому авторитету легко нанести ущерб, если обстоятельства заставляют ради верующих идти на компромисс (переговоры с Россией и СССР после революции, папская дипломатия времен II мировой войны). Бывает и так, что необходимость сохранить беспристрастие вызывает обвинение в пассивности; где, в таком случае, находится граница? Очень многое зависит от личности самого папы. С другой стороны, любопытной представляется конфронтация разных концепций авторитета и власти в международной политике. Об этом мы можем прочесть в одном из подразделов, который М. Ф. Фельдкамп посвятил взаимоотношениям Ватикана и Соединенных Штатов (С. 106-108). После 1870 г. правители динамически развивающейся будущей сверхдержавы пришли к рациональному выводу, что не стоит тратить бюджетные средства на поддержание дипломатических отношений с субъектом, который в материальном смысле подвергся ликвидации (объединение Италии). И только в 1984 г. Палата представителей решила предназначить деньги налогоплательщиков на обеспечение восстановленных отношений с Ватиканом.

М. Ф. Фельдкамп в своей книге сосредоточивает внимание главным образом на процессах, в ней немного сведений о роли конкретных лиц. Изредка появляются имена очередных пап, самых выдающихся нунциев, иногда королей и императоров. Где-то на втором плане мелькают империи, заканчиваются династии, Апостольская же столица в большей или меньшей мере принимает в этом участие, подвергаясь одновременно зависимости от внешних обстоятельств. Внимания заслуживает здесь, по-видимому, особая роль двоих человек, имена которых упоминаются автором в отдаленных друг от друга главах (работа построена хронологически) – Карла и Наполеона. Оба они вошли в историю с прозвищем Великий, оба создали империи, оба стали императорами, обоим короновали в присутствии папы. Кажется, что между двумя декабрьскими коронациями – в 800 и 1840 годах – история папства завершила круг. Между ними была и Каносса, и *sacco di Roma*. Но в тот день, когда папа Лев III помазал своего друга на римское императорство, папство символически вышло на свой великий путь в международной политике. Спустя тысячелетие Пий VII был всего лишь статистом, когда гениальный корсиканец, „дитя” Просвещения, возложил на себя корону императора

французов. Трудно даже придумать более совершенный символ конца эпохи легитимизации власти через Божие помазание.

Эдыта Посель-Ченсьцик

Stanisław Bożyk, *System konstytucyjny Izraela*, Wydawnictwo Sejmowe, Warszawa 2002, s. 83.

Общественное мнение, как в Польше, так и в мире, почти каждый день информируется о том, что происходит на Ближнем Востоке. В последнее время внимание мировой общественности привлекают события в Ираке. Р. Стемповски верно замечает, что «дебаты вокруг Ирака недостаточно учитывают факт, что в этом же регионе мы имеем дело также с проблемой отношений между Израилем и его арабскими соседями»². Хорошо ли мы, однако, знаем всех участников ближневосточных взаимоотношений, а в особенности хорошо ли мы знаем Государство Израиль? Вопрос кажется риторическим, но не до конца. Чтобы правильно понять политику страны, нужно узнать ее государственное устройство. «Частью политики является процесс ее формирования и реализации. Поэтому в поисках связи между внешней политикой и государственным устройством следует уловить функцию руководящих институтов, т. е. конституционных органов государственной власти, и институтов, обеспечивающих деятельность учреждений, а точнее – их функции в области формирования и реализации внешней политики»³. Отправной точкой должен быть, таким образом, анализ основополагающих принципов государственного строя, объем задач и компетенции органов государственной власти, а также учет законодателем прав человека в юрисдикции страны.

Если общественное мнение не обязано знать основы государственного устройства важнейших субъектов ближневосточных отношений, то знание их должно быть нормой для

---

² R. Stemplowski, *Katalizator iracki* // „Polski Przegląd Dyplomatyczny”, t. 3, nr 2 (12), marzec-kwiecień 2003.

³ R. Stemplowski, *Ustrój państwa a polityka zagraniczna* // *Ustrój państwa a polityka zagraniczna. Wykłady Publiczne w Polskim Instytucie Spraw Międzynarodowych*, Warszawa 2002, s. 83.

исследователей международных отношений. В силу насчитывающих несколько сот лет польско-еврейских отношений можно было бы, однако, ожидать от общественного мнения в Польше большего интереса к принципам организации Государства Израиль (древнеевр. *Medinat Israel*). Навстречу ожиданиям в этом отношении выходит очередная публикация издательства Сейма из цикла *Мировые конституционные системы* Станислава Божика. *Конституционная система Израиля* представляет собой синтетическое собрание сведений о конституционном праве Государства Израиль. Такая форма публикации прекрасно служит, как представляется, замыслу автора относительно потенциального круга читателей: практиков и теоретиков международных отношений, конституционалистов, журналистов, политиков или интересующихся этой проблематикой студентов. *Конституционная система Израиля* будет, вероятно, пользоваться спросом особенно в текущем году, когда Государство Израиль будет отмечать 55 годовщину со дня образования. Следует в этом месте напомнить, что Польша оказалась в группе государств, которые поддержали резолюцию ООН № 181 от 29 ноября 1947 года о разделе Палестины, составляющую правовую основу создания двух независимых государств – еврейского и арабского.

Правовая система Государства Израиль представляет особый интерес для юриста в силу разных источников образования законодательства этого государства. Ибо, начиная с периода английского мандата на территории Палестины, мы имеем дело со следующими его формами: во-первых, с принципами религиозного и ритуального еврейского права (древнеевр. *halacha*), во-вторых, с законами, установленными органами государственной власти (органы мандатных властей) и, наконец, в-третьих, с применением английского *common law*, а также *equity* в случае наличия пробела в законодательстве. Как отмечает автор, «значительная часть принятых в мандатный период правовых урегулирований, равно как и принцип пользования *common law* и *equity*, сохранили силу закона также после создания Израиля» (С. 14-15). В свою очередь, специалисты в области международных отношений должны обратить внимание на те характерные черты конституционной системы Израиля, которые имеют прямое или косвенное влияние на политику государства. Однако основной чертой конституционного порядка Государства Израиль является отсутствие конституции как цельного текста

в виде одного или нескольких конституционных актов. Сразу после образования Государства Израиль в ходе дискуссии о конституции Кнессетом было принято постановление, называемое Резолюцией Харари, которая предусматривала создание конституции поэтапно, путем принятия очередных глав как отдельных основных законов (С. 21). Таким образом, конституция состоит из 11 Основных законов, которые определяют принципы государственного устройства, а также объем задач главных органов государственной власти, а именно:

- 1) *Основной закон о Кнессете* от 1958 г.,
- 2) *Основной закон о землях Израиля* от 1960 г.,
- 3) *Основной закон о Президенте Израиля* от 1964 г.,
- 4) *Основной закон об экономике государства* от 1975 г.,
- 5) *Основной закон о вооруженных силах* от 1976 г.,
- 6) *Основной закон об Иерусалиме, столице Израиля*, от 1980 г.,
- 7) *Основной закон о судоустройстве* от 1984 г.,
- 8) *Основной закон о Государственном контролере* от 1988 г.,
- 9) *Основной закон о человеческом достоинстве и свободе* от 1992 г.,
- 10) *Основной закон о свободе профессий* от 1994 г.,
- 11) *основной закон о Правительстве* от 2001 г.

Кроме того, к конституционным актам относится *Декларация Независимости* от 14 мая 1948 г., а также некоторые обычные законы. Содержащиеся в отдельных основных законах конституционные урегулирования не обладают высшей юридической силой и могут подвергаться изменениям посредством очередных обычных законов. В некоторых основных законах содержатся, однако, положения, которые могут быть изменены или отменены посредством актов, принимаемых Кнессетом абсолютным или квалифицированным большинством. Положения основных законов не исчерпывают, однако, всей конституционной материи. Автор указывает на восходящие к английским корням конституционные конвенции. «Процедура формирования израильского правительства, его организация, а также порядок функционирования до 1968 г. опирались практически на принципы установившегося обычая, явно связанные с английской конституционной конвенцией [...] (С. 58). К сожалению, автор не указывает на другие конституционные конвенции, особенно те, которые возникли

в период существования Государства Израиль. Не подлежит, однако, сомнению, что в этом случае мы имеем дело с материальной и в принципе гибкой конституцией.

В лекции, прочитанной в Конституционном Трибунале Польши по случаю годовщины Конституции 3 Мая, проф. Норман Дейвис говорил о странах, «в которых конституции имеются, в которых культура и традиции конституционализма функционируют, но в которых по разным причинам конституционные принципы в разной степени ограничены. Один, исторический, пример – это Польша в период санации (1926-1939). Второй, современный, пример – Государство Израиль, которое имеет конституцию, имеет демократические институты, имеет сильное сознание верховенства права над правительством, но которое не соблюдает принципа равноправия по отношению к нееврейскому населению»⁴. Такое суждение рождает вопрос о том, кто является сувереном в Государстве Израиль в свете конституционных урегулирований. Автор рецензируемой книги отмечает, что «точное выделение конституционных принципов государственного строя Израиля возможно только посредством анализа частных положений конкретных израильских конституционных законов» (С. 27). Это касается также определения суверена в Государстве Израиль. В поисках ответа на вопрос, кто является сувереном в Государстве Израиль, автор дает интересные рассуждения о характере Государства Израиль как *государства еврейского*. Особая связь Государства Израиль с еврейским народом находит свое выражение в положениях конституционных актов. Одним из них является статья 7А *Основного закона о Кнессете*, которая лишает права избрания в парламент лиц, не признающих Государство Израиль как *государство еврейского народа*. Это приводит автора к заключению о фактически привилегированном положении еврейского народа, «так как государственные органы Израиля не стремятся на практике к обеспечению равных прав для арабского меньшинства» (С. 28). С другой, однако, стороны, в свете положений *Декларации Независимости*, а также правил основных законов сувереном является народ, понимаемый как совокупность граждан Государства Израиль, независимо от национальности или вероисповедания.

---

⁴ N. Davies, *Kultura obywatelska ważniejsza niż sama litera prawa* // „Rzeczpospolita”, nr 109, 12 maja 2003 r.

Государственное устройство Израиля основано на принципе разделения властей на власть законодательную (Кнессет), исполнительную (президент и правительство) и судебную (общие и специальные суды). Отношения между органами государственной власти опираются на принципы парламентарно-кабинетной системы правления, с такими ее характерными чертами, как политическая ответственность президента перед парламентом, приоритет Кнессета в отношениях с президентом, контроль парламента над деятельностью правительства, а также с репрезентативными функциями президента. Президент избирается на семилетний срок, причем должность президента не длится более одного срока полномочий. Характеризуя компетенцию президента в этом отношении, автор отмечает принцип, выраженный в статье 18 *Основного закона о Президенте*, согласно которому президент не может без согласия правительства покинуть территорию Израиля (С. 55). Между тем дела, связанные с внутренней и внешней политикой Государства Израиль, являются предметом компетенции правительства (презумпция компетенции). Автор обращает внимание на то, что «в силу исключительно нестабильной обстановки на Ближнем Востоке, а также в самом Израиле особым весом обладают на практике все решения правительства в области международных отношений и внешней или внутренней безопасности государства. В этой сфере в компетенцию правительства входят решения о применении вооруженных сил, а также о начале военных действий» (С. 62). В этом контексте целесообразно вспомнить также о возможности издания правительством чрезвычайных распоряжений в ситуации угрозы государству.

Принимая во внимание сильную позицию правительства в конституционной системе Государства Израиль, что связано с необходимостью обеспечения внутренней и внешней безопасности граждан, некоторую неудовлетворенность читателя вызывает относительно узкое представление не действующего уже института прямых и всеобщих выборов премьер-министра. Автор, правда, характеризует главные постановления *Основного закона о Правительстве* от 1992 г., в особенности принципы и порядок выборов премьер-министра, а также приводит результаты выборов в 1996, 1999 и 2001 гг., когда на должность премьера были избраны соответственно Бенджамин Нетаньяху, Эхуд Барак и Ариель Шарон. Однако мы не найдем на страницах рецензируемой книги более глубокого

анализа функционирования этого оригинального института государственного строя. И прежде всего в ней нет ответа на вопрос, повлияли ли и в каком объеме повлияли на конституционную практику полученные премьером в общих выборах полномочия на осуществление власти, в том числе в области внешней политики. Именно в этом отношении необходимым представляется углубленный анализ, тем более, что и сам автор подчеркивает, что «не самый лучший опыт по прямым выборам главы правительства способствовал в конечном счете принятию Кнессетом 7 марта 2001 г. нового *Основного закона о Правительстве* (С. 26). Мы не знаем, однако, какой именно «не самый лучший опыт» автор имеет в виду.

Рецензируемая книга представляет собой хорошую основу для ознакомления с фундаментальными принципами устройства Государства Израиль. Однако автор занимается прежде всего формально-догматическим анализом отдельных конституционных урегулирований, которые не иллюстрируются примерами из конституционной практики. Между тем, в любой конституционной системе практика играет значительную роль, так как она или воздействует на толкование конституционных правил, или вводит новые обычаи, которые впоследствии могут перерасти в конституционную норму. Конституционная система Государства Израиль, в которой мы имеем дело с материальной конституцией, особенно чутка к указаниям, следующим из практики органов власти. Поэтому в будущих изданиях автор должен, пусть и в небольшом объеме, учесть конституционную практику Государства Израиль. Ценность книги, кроме того, повысили бы более обширные сведения об историческом, но чрезвычайно оригинальном институте выбора премьер-министра в режиме всеобщих выборов. Целесообразным также представляется указать на практику судопроизводства, имеющую основополагающее значение для определения характера государственного устройства Израиля. К достоинством книги следует отнести язык – точный в юридическом отношении и одновременно доступный для читателей, которые юристами не являются. В книге имеется приложение, в котором представлены результаты выборов в Кнессет в 1973-1999 гг., результаты выборов на пост премьер-министра в 1996, 1999, и 2001 гг., а также схема взаимозависимости главных органов государственной власти и законодательный порядок в Государстве Израиль. Следует отметить, что рецензируемая

работа является хорошим компендиумом знаний об устройстве Государства Израиль, и поэтому ее можно порекомендовать всем, кто хочет лучше познакомиться с одним из важнейших субъектов ближневосточных отношений.

Кишиштоф Балон

Edward Halizak, Stanisław Parzymies (red.), *Unia Europejska – nowy typ wspólnoty międzynarodowej*. Instytut Stosunków Międzynarodowych Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2002, 385 s.

Среди многочисленных мотивов дискуссии о принципах и функционировании Европейского Союза почетное место должно занимать обсуждение его международного аспекта. Это объясняется прежде всего недооцениваемым зачастую фактом, что одной из принципиальных причин или мотивов создания Союза было стремление учесть международный аспект деятельности Европейских Сообществ и придать ему высший статус. Об этом свидетельствуют, в частности, параграфы ст. 2 (прежней В) Договора о ЕС, называющие среди пяти главных целей Союза «подтверждение своей идентичности на международной арене» при помощи Общей внешней политики и безопасности. Это означает, что данная новая политика, возникшая на основе Маастрихтского договора, является (наряду с сотрудничеством в сфере внутренних дел) элементом, конституирующим новое качество, и, таким образом, представляет собой *differentia specifica* Союза как нового образования. Ибо, если бы договаривающиеся стороны не пошли на ее создание, не было бы и необходимости в обосновании формирования ЕС, а старые, до сих пор еще существующие сообщества могли бы функционировать в прежнем, по крайней мере реформированном, облике и прежней формуле. Кроме того, Европейский Союз является все более авторитетным участником современных международных отношений, в значительной мере влияющим на их форму, будучи также объектом воздействия совокупности разнообразных международных обусловленностей локального, регионального или глобального характера.

В Польше дискуссия на тему европейской интеграции касается прежде всего проблемы будущего членства, концентрируясь, таким образом, на внутренних вопросах – приспособления к евросоюзным требованиям нашего законодательства, экономики, управления и т. д. Международный же аспект, как представляется, явно недооценивается, лишь разногласия по Ираку, обозначившиеся в последнее время как на линии ЕС – Соединенные Штаты, так и в рамках самого Евросоюза, придают новый импульс дискуссии в этой сфере.

А между тем вопросы о том, что такое Европейский Союз в международных отношениях, какова ныне и какой может быть его позиция и роль в мире, не имеют чисто академического характера. Ибо многое свидетельствует о том, что нынешняя формула европейской интеграции уже себя исчерпала, особенно в перспективе приближающегося расширения на Восток. Это со всех сторон беспрецедентное увеличение состава и потенциала ЕС не только даст огромные шансы развития, но и подвергнет серьезному испытанию как союзные институционально-правовые структуры, так и идейно-политическое единство членов качественно нового Союза (предвестником которых уже являются вышеупомянутые разногласия вокруг Ирака). Это приведет к необходимости пересмотра многих основных принципов и создания новых механизмов функционирования всей союзной системы, в том числе также в сфере международных отношений. Это значит, что, являясь в будущем членом Европейского Союза, Польша не избежит вовлечения в дискуссии на эти темы, не будучи, к сожалению, как показывает весьма скромное состояние наших политических и научных дебатов, хорошо к ним подготовленной.

Поэтому инициатива Института международных отношений факультета журналистики и политических наук Варшавского университета по подготовке обширного исследования, которое представляло бы собой попытку хотя бы постановки важнейших намеченных выше проблем, тем более заслуживает внимания и одобрения. Вышедшая под редакцией Эдварда Халижака и Станислава Пажимеса коллективная работа *Европейский Союз – новый тип международного сообщества* является одним из немногих в польской литературе трудом, рассматривающим ключевую проблему общего видения Европейского Союза, его принципов и механизмов функционирования в современных международных отношениях.

Эта проблема не только очень широка, но также необычайно трудна с исследовательской точки зрения, что следует из нескольких основных причин. Европейский Союз, как структура *in statu nascendi*, подвергается непрерывным изменениям и является, если можно так сказать, скорее процессом, нежели достигнутым состоянием. Хотя бы только поэтому он является участником международных отношений, который с большим трудом поддается оценке, анализу, а особенно категоризации. С познавательной точки зрения, как образно определил это один из исследователей, Европейский Союз является «интеллектуальной головоломкой»⁵, а с политической точки зрения, как удачно сказал цитируемый в данной работе Ж. Делор, является «предметом, политически неидентифицированным» (С. 45).

Таким образом, мы имеем здесь дело с интеграционными процессами и явлениями – что следует особенно подчеркнуть – совершенно уникальными в истории международных отношений. Ибо впервые в истории человеческой цивилизации они охватывают такой широкий спектр сфер общественной жизни (политику, экономику, оборону, социальные вопросы, культуру и т. д.), проникая так глубоко и создавая систему взаимосвязей между их участниками невиданного доселе масштаба. Союз характеризуется чертами, часть которых, впрочем, не является уникальной или особенной, но их одновременное и совместное проявление (в форме своеобразной синергии) создает новое, неповторимое качество. На это справедливо обращают внимание авторы работы. По мнению Романа Кузьяра, «Европейский Союз есть совершенно исключительное химическое явление в природе международных отношений, произведение уникальных и неповторимых исторических обстоятельств» (С. 44). Это проявляется, в частности, в специфическом, единственном в своем роде статусе в рамках данных отношений, который не совпадает ни со статусом государства, ни классической международной организации. (Следует еще подчеркнуть, что Европейский Союз не имеет международно-правовой субъектности.)

Оригинальность статуса Европейского Союза приводит к тому, что, по мнению многих исследователей, «попытки втис-

---

⁵ M. Burgess, *Federalism and European Union: the Building of Europe, 1950–2000*, London – New York 2000, p. 254.

нуть Союз в определенную категорию субъектов обречены на неудачу»⁶, а «классические категории» не годятся для «адек

ватной передачи характера» Европейского Союза⁷. Более того, для исследования этих проблем наука о международных отношениях не сумела сконструировать полного и эффективного комплекта исследовательских инструментов, пусть хотя бы такого, который считался бы общепринятым. Как прямо определил это один из специалистов, «нет единой, общепринятой теоретической перспективы, касающейся международной роли Союза»⁸.

Это все же не означает, что в данной сфере не делаются попытки исправить положение, примером чему может служить рассматриваемая работа. Ее авторы предлагают исследовательский подход, опирающийся на использование в качестве основного теоретико-эмпирического метода, благодаря которому они комплексно представляют проблему как в ее концептуальной (анализ теоретических аспектов), так и эмпирической части, охватывающей презентацию и оценку сферы отношений ЕС с другими участниками международных дел. Этого рода подход приводит к тому, что 17 разделов работы можно объединить в две хотя и не обозначенные в тексте и даже не сгруппированные, но явно выделяющиеся части.

Первая часть содержит размышления, как представляется, принципиального значения: это материалы Юзефа Кукулки о понятии и сущности международных сообществ, Романа Кузьняра о международной идентичности Европейского Союза, Януша Сымонидеса о принципах субсидиарности и суверенности, Станислава Пажимеса о реформах институционально-распорядительной системы, Агнешки Бугдал-Бжезиньской о теоретических концепциях Европейского Союза и Эдварда Халижака о взаимозависимости между европейской политической и экономической интеграцией. К этой части можно еще отнести три раздела, посвященные концепциям Европейского Союза, доминирующим в Великобритании, Франции и Германии (подготовленные соответственно Францишеком Голэмб-

---

⁶ J. Gomuia, *Unia a Wspylnoty Europejskie* // „Państwo i Prawo”, nr 12/1995, s. 23.

⁷ M. Pechstein, *Osobowość prawna Unii Europejskiej?* // „Przegląd Prawa Europejskiego”, nr 1/1997, s. 6.

⁸ R.G. Whitman, *From Civilian Power to Superpower? The International Identity of the European Union*, Basingstoke–London 1998, p. 5.

ским, Анджеем Шептыцким и Яцеком Косярским), а также анализ Иоанны Стажик, посвященный позиции малых и средних государств в Европейском Союзе.

Вторая часть работы представляет собой анализ сферы реальных отношений между отдельными участниками международной жизни, сгруппированными регионально. Итак, Эдвард Халижак представляет отношения Европейского Союза с государствами Восточной Азии, Катажина Колодзейчик-Конарска рассматривает процесс расширения Союза на страны Центральной и Восточной Европы, Рышард Земба дополняет эту проблематику размышлениями о польских дискуссиях на евросоюзные темы, Александра Ярчевска-Романюк пишет о трансатлантических отношениях, Павел Борковски – о политике Европейского Союза в отношении региона Средиземного моря, Дорота Хэйдрих – об отношениях с развивающимися странами, а Юстына Зайонц – с Ближним Востоком.

Представляется, что хотя бы по причине ограниченных возможностей данной рецензии при рассмотрении работы следовало бы сконцентрироваться прежде всего на наиболее существенных мотивах, затрагиваемых в первой части, так как вопросы, рассматриваемые во второй, принадлежат к более известным и чаще анализируемым в соответствующей литературе.

К самым важным относятся, несомненно, вопросы, затрагиваемые в первом разделе, подготовленном Юзефом Кукулкой. Составляющие его размышления являются не только введением в работу, но и представляют собой – несмотря на относительно малый объем – ее теоретическую канву. Здесь представлен основополагающий для всей книги подход, рассматривающий Европейский Союз как специфическое международное сообщество. Это понятие, как справедливо указывает автор, несмотря на то, что оно «многозначно и аналитически неуверенно» (С. 13), можно вывести из его социологического прототипа, которым является «социальное объединение», перенесенного затем на политологическую категорию «объединение государств». Следует, однако, подчеркнуть, что не каждое объединение государств является сообществом, поскольку оно характеризуется специфическими группами связей, к которым Кукулка относит «системы общих ценностей, опирающиеся на них общие убеждения и позиции, общие цели и принципы поведения, а также общие правовые нормы и институции» (С. 19). Это значит, что

международное сообщество характеризуется такими чертами (выделяющими его из других объединений государств в форме связей, союзов или организаций), как, в частности, общность судьбы, исторических традиций, системы ценностей, потребностей и интересов.

Категорию международного сообщества можно исследовать с разных точек зрения. На основании определенных критериев выделяются сообщества, опирающиеся, в частности, на принципы безопасности («сообщество безопасности», по К. Дойчу), а также имеющие политический (Э. Хаас) или культурный (С. Хантингтон) характер, если назвать лишь несколько из множества концепций⁹. Кукулка дополнительно указывает на важный, по его мнению, элемент, которым является жизнеспособность международного сообщества. Она зависит от высокой степени сплоченности сообщества, а также масштаба и динамики связей между ее государствами-членами, способности перехода от простых и свободных связей к сложным и тесным и умения совместного преодоления барьеров, затрудняющих внутреннее развитие сообщества.

Не подлежит сомнению, что концепция международного сообщества находит адекватное применение в исследовании Европейского Союза. Об адекватности этой концепции может свидетельствовать основополагающий факт, что процессы европейской интеграции в значительной мере были инициированы и продолжены на основе идеи Европейских Сообществ. С начала своего существования они соответствовали намеченным выше важнейшим критериям, конституирующим международные сообщества, представляя собой объединения государств-членов, имеющих общее историческое наследие и традиции, действующих согласно системе общих ценностей и принципов, стремясь к общим целям и имея общие правовые нормы и институции. Европейские Сообщества/Европейский Союз с уверенностью можно определить как политическое, культурное сообщество и «сообщество безопасности».

Более того, Европейский Союз является, как замечает Кукулка, «самым полным международным сообществом», что

---

⁹ Ср.: S. Konopacki, *Neofunkcjonalistyczna teoria integracji politycznej Ernsta Haasa i Leona Lindberga* // „Studia Europejskie”, nr 3/1998; S. P. Huntington, *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, New York 1996; K. Deutsch, *Political Community in the North Atlantic Area*, Princeton 1957. К этой проблематике обращается также в одном из следующих разделов рассматриваемой работы Агнешка Бугдал-Бжезиньска.

следует, прежде всего, из подчеркнутой выше глубины интеграционных процессов, происходящих в его рамках, а также высокой степени того, что автор называет «жизнеспособностью» международного сообщества. Он при этом указывает, что развитие Союза происходило под сильным влиянием объективных законов развития и изменчивости международных отношений, к которым относится закон интернационализации, институционализации, а также международного взаимодействия и взаимозависимости.

Соглашаясь с подходом, рассматривающим Европейский Союз как международное сообщество, следует, однако, напомнить (не столько полемизируя с выводами Кукулки, сколько скорее дополняя их), что эта категория (подобно всем другим теоретическим инструментам) не соответствует критериям единой, исчерпывающей концепции, объясняющей всю совокупность проблематики Европейского Союза в международных отношениях. (Впрочем, нам не кажется, что формулирование такой концепции было первоочередной целью авторов.) Видя многочисленные исследовательские достоинства данной категории, следует замечать также ее недостатки. Они касаются, прежде всего, преувеличенного, как представляется, подчеркивания значения государств в функционировании такого сообщества, как Европейский Союз. Хотя не подлежит сомнению, что Европейские Сообщества/Европейский Союз возникли как союзы суверенных государств, их формирующаяся десятилетиями структура, однако, характеризуется сегодня слишком многими специфическими и уникальными чертами, чтобы исчерпывать лишь критерии «сообщества государств», и то без учета ее «полноты» и «жизнеспособности», согласно терминологии Кукулки. Используя, разумеется, инструменты, принадлежащие государствам-членам, Евросоюз в то же время развил собственные механизмы деятельности в сфере внешних отношений, становясь, как отмечено выше, качественно новым участником международных отношений, выходящим за пределы понятия «сообщества».

На проблему наличия и функционирования Европейского Союза в международных отношениях можно смотреть также с иной важной точки зрения, касающейся ее международной идентичности. В рассматриваемой работе так делает Роман Кузьняр, понимая данную категорию – подобно другим

исследователям¹⁰ – очень широко. По его мнению, «с точки зрения сущностной сферы международная идентичность ЕС охватывает совокупность всех вопросов, являющихся предметом международного оборота (от прав человека до военных проблем)» (С. 42). Исходным пунктом автор избирает перспективу, рассматривающую Евросоюз (согласно известному определению британского премьера Т. Блэра) не столько как «супергосударство», сколько скорее как «сверхдержаву», к статусу которой, как представляется, стремятся союзные страны. Кузьняр помещает данную идентичность в более широкий контекст четырех детерминантов общей идентичности Европейского Союза, к которым относятся гецивилизационное самоопределение, тип общности интересов государств-членов, внутренняя организация и международный контекст.

Дополнительным элементом, учитываемым этим автором, являются международные роли, играемые Европейским Союзом. (Это само по себе составляет отдельную обширную проблему.) Он выделяет три рода таких ролей: Евросоюз как традиционная держава регионального масштаба, как «стабилизатор» окружения сверхрегионального действия и как центр излучения и влияний глобального масштаба. Кузьняр раскрывает при этом принципиальные причины исполнения Евросоюзом роли *global single actor*: сохранение безопасности и стабильности на территории ЕС, а также в регионах, непосредственно граничащих с ним, создание и сохранение условий экономико-социального развития государств-членов и участие в формировании международного порядка.

Выводы этого автора следует признать очень существенным и интересным вкладом в исследуемую проблематику, только некоторые его тезисы можно развить или дополнить. Это касается в особенности утверждения, что «есть признаки отречения Европы от универсалистской миссии своей цивилизации» (С. 27). Ведь необходимо помнить о том, что Европейский Союз играет, в частности, роль главного поставщика помощи мирового масштаба развивающимся странам, а его внешняя политика (хотя и неполная и не сплоченная) опирается на принципы пропаганды мира, демократии и защиты прав человека.

¹⁰ Ср., в частности: С. Rhodes, *Introduction: The Identity of the European Union in International Affairs* // С. Rhodes (ed.), *The European Union in the World Community*, Boulder 1998.

Следует также развить тезис, относящийся к оптимальной институциональной модели, способной управлять международным аспектом европейской интеграции. Справедливо выделяя здесь три возможные модели (модель сообщества, межправительственную и реально функционирующую смешанную модель), Кузьняр считает, что «для яркости международного идентитета ЕС наиболее желательной была бы межправительственная модель с сильным руководством. Модель сообщества, учитывая разрез членства в ЕС, не обрела бы достаточной политической и общественной легитимизации для исполнения Евросоюзом выразительной международной роли» (С. 29). Проблема заключается в том, что евросоюзная Общая внешняя политика и политика безопасности (вторая опора Европейского Союза) уже сейчас основана на принципах международного сотрудничества, что явно ущербно и очень ограничивает ее реальную эффективность. Следовало бы поэтому скорее избегать закрепления существующего неверного положения, к тому же было бы трудно соединить международную модель с «сильным руководством». Следование этому последнему требованию на практике означало бы принятие значительно более эффективной в этом смысле модели сообщества, хотя – надо признать – наверняка более трудной для политического одобрения государствами-членами, дорожащими своей традиционно понимаемой суверенностью.

Эта последняя проблема, в частности, принадлежит к существенным вопросам, затрагиваемым в рассматриваемой работе, представляя собой вместе с проблематикой принципа суверенности объект размышлений Януша Сымонидеса. Автор справедливо указывает на специфический международный статус Европейского Союза, характеризующийся, правда, определенными сверхгосударственными чертами, но одновременно гарантирующими сохранение сильной позиции и суверенности государств-членов. Укреплять это призван принцип субсидиарности, так как принятое на его основе разделение компетенции между ЕС и его членами «означает сохранение исключительной компетенции государств, а следовательно, сохранение их суверенитета» (С. 62). Представляется, что это, конечно, допустимая, но довольно жесткая интерпретация принципов субсидиарности и суверенности в контексте общей эволюции европейской интеграции, в рамках которой можно также предусматривать более эластичное применение этих категорий, не исключаяющее углубления

федералистских решений¹¹. В общем направлении убеждений автора содержатся также его выводы, охватывающие прогнозы на тему будущей формы Европейского Союза. Я. Сьмонидес решительно отбрасывает сценарий, предусматривающий, что дальнейшая эволюция ЕС будет нацелена на постепенное ограничение суверенности государств-членов и превращение его в федеральное супергосударство. По его мнению, Европейский Союз «не будет превращен ни в традиционную международную организацию, ни в федерацию» (С. 62).

Следующим важным вопросом, затрагиваемым в работе, является процесс институционализации Европейских Сообществ/Евросоюза, то есть постоянное реформирование их системы принятия решений. Ставящий эту проблему Станислав Пажимес опирается на исходную общую констатацию, что европейская интеграция может быть «оценена как успех, не имеющий ни прецедента, ни аналога во всем мире», а «одним из секретов этого успеха является удачный подбор институтов, с помощью которых интеграционный проект реализовался» (С. 63). Этот наиболее точный диагноз обосновывает обширный анализ, показывающий, каким образом эволюционировала институциональная система сообщества, в том числе в своем международном аспекте. Одним из достоинств данного компетентно написанного раздела является комплексное представление главных концепций будущей формы ЕС, формулируемых ведущими европейскими политиками. Некоторую неудовлетворенность оставляет лишь недостаточно выразительное, как представляется, обозначение данного международного аспекта, который тонет во всем объеме размышлений над общей эволюцией институтов и органов сообщества.

К этой части рассматриваемой работы, которую можно считать имеющей более теоретический характер, следует отнести также размышления Агнешки Бугдал-Бжезиньской. Она делает синтетический обзор главных концепций в рамках отдельных исследовательских школ, занимающихся широко понимаемыми процессами интеграции (не обязательно европейской). Автор делит их на два главных течения: неофункциональное и неореалистическое, рассматривая в их

---

¹¹ Ср.: D. Milczarek (red.) *Subsydiarność*, wyd. 2, Warszawa 1998, а также W. Czapliński, I. Lipowicz, T. Skoczny, M. Wyrzykowski (red.), *Suwerenność i integracja europejska. Materiały pokonferencyjne*, Warszawa 1999.

рамках взгляды плеяды известных исследователей, таких, в частности, как Д. Митрани, Э. Хаас, Л. Линдберг, К. Дойч, Э. Моравчик. Этот очень полезный синтез, как представляется, слишком концентрируется на общих аспектах интеграции в рамках Европейских Сообществ/Евросоюза, не всегда вполне соответствуя – подобно некоторым другим разделам – основному мотиву всей работы, то есть международному аспекту ЕС¹².

Дополнением к указанному анализу является содержащееся в работе представление (в аспекте более теоретико-эмпирическом) разнообразных научных и политических концепций, касающихся нынешнего и будущего облика Европейского Союза. Четверо названных авторов представили, какие концепции на эту тему формулируются как в главных государствах ЕС – Германии, Франции и Великобритании, так и в группе малых и средних стран. Обобщение такого типа имеет не только существенную информационную ценность, но и упорядочивает разрозненный исследовательский материал.

Своеобразной скрепой, связывающей как содержательно выделенную теоретическую часть работы, так и всю ее в целом, являются размышления Эдварда Халижака, посвященные взаимозависимости между экономическими и политическими аспектами европейской интеграции. Автор опирается здесь на наследие как различных школ, исследующих процессы интеграции, так и широко понимаемой политической экономии, прямо относя последнюю к наукам о международных отношениях. (Это находит выражение, в частности, в точном понимании категории «внешней политики» не только в аспекте чисто политическом, но и экономическом.) Халижак обращает при этом внимание на вопрос современной трактовки ключевого для европейской интеграции понятия регионализма. По его мнению, «сущностью нового регионализма, возникшего после окончания холодной войны, является выход за пределы традиционной сферы экономики и безопасности и нацеленность на проблемы социальные, гуманитарные, проблемы экологии, комплексного развития, культуры, способствующие формированию новой региональной сплоченности и идентичности, которая не является лишь функцией

---

¹² Ср. несколько отличный подход, представленный другим соавтором рассматриваемой работы: J. Starzyk, *Wspólna Polityka Zagraniczna i Bezpieczeństwa Unii Europejskiej*, Warszawa 2001, rozdz. 1.

торговли и инвестиций» (С. 384). Данные выводы опираются на представление главных моделей региональной интеграции: неолиберальной, государствоцентрической и модели сообщества.

Отдавая дань важности теоретического подхода, следует, однако, подчеркнуть, что решающее значение имеет здесь политическая и экономическая практика. Поэтому можно согласиться со взглядом автора, что инициированный возникновением Европейского Союза новый этап процесса интеграции нашего континента представляет собой попытку нового определения отношений «между политическим и экономическим в этом процессе» (С. 385). Гармоничное соединение данных элементов должно имплицировать, по мнению Халижака, достижение (согласно упомянутой модели сообщества) равновесия между четырьмя ценностями: свободой, справедливостью, богатством и безопасностью. Достижение такого положения будет иметь влияние не только на будущую внутреннюю структуру Евросоюза (который станет качественно новой международной подсистемой, опирающейся на логику и динамику взаимодействия экономической и политической интеграции), но воздействует на позицию Европейского Союза в глобальном порядке.

Как сказано в начале, остальные разделы рассматриваемой работы касаются того, что можно было бы назвать реальной сферой международного аспекта Европейского Союза. В общем в этих исследованиях внимательно и всесторонне представлены разнообразные аспекты взаимоотношений между Европейским Союзом и отдельными вышеупомянутыми регионами мира. Авторы используют при этом не только методы качественные, но и количественные и обогащают свой анализ соответствующими эмпирическими данными, как, например, Эдвард Халижак, рассматривая отношения с Восточной Азией, или Александра Ярчевска-Романюк, представляя трансатлантические связи. В отношении этого последнего вопроса следует подчеркнуть, что автор точно ухватил наметившиеся, правда, давно, но ныне уже явные разногласия между Европейским Союзом и Соединенными Штатами. Они касаются различного понимания главных проблем современности и способов их решения; это прежде всего связано с фактом, что «ЕС и США категорически различаются сегодня видением мировой безопасности» (С. 297).

Заслуживают внимания также размышления Рышарда Зембы, представляющие собой дополнение к разделу на тему расширения ЕС на Центральную Европу. Автор представил интересное сопоставление главных аргументов за и против членства Польши в Европейском Союзе и предлагаемые в этом вопросе альтернативные решения (идеи «славянского блока», вступления в НАФТА и т. п.) Эти концепции, правда, являются совершенно нереалистичными, но, тем не менее, требуют предметного анализа, хотя бы по причине существования в нашей стране некоторого числа их сторонников.

Какое общее видение Европейского Союза в международных отношениях возникает во время чтения рассматриваемой работы? Его редакторы и авторы рисуют образ ЕС как оригинального, уникального актера политической сцены, в изучении которого находит применение концепция «европейского сообщества». Это видение иногда кажется полным, что зачастую характеризует коллективные работы, труднее поддающиеся строгому анализу, чем обычно более научно дисциплинированные выводы одного автора. Несмотря на это, работа, хотя и охватывает анализ широкого спектра проблем (в разной степени связанных с главной темой), дает читателю убедительный, комплексный образ. Он мог бы быть еще более ярким, если бы – это совет не столько содержательного, сколько редакционного характера – работа была разделена на четко обозначенные части, как хотя бы предложенные выше теоретический и практический разделы.

Сказанное все же не меняет общей оценки, заключающейся в том, что работа *Европейский Союз – новый тип международного сообщества* представляет собой очень ценное произведение, предлагающее интересный подход к важной проблеме, слабо исследованной в польской научной литературе. Способствуя заполнению познавательной лакуны, имеющейся в отечественной науке о международных отношениях, она должна хорошо служить всем тем, кто с разных точек зрения занимается широко понимаемой проблематикой европейской интеграции.

Дариуш Мильчарек

Marrack Goulding, Peacemonger, John Murray Publishers Ltd, London 2002.

Литература о миротворческих операциях ООН пополнилась новым важным изданием. Это книга сэра Маррэка Гоулдинга, заглавие которой в вольном переводе на польский язык – *Komivojazer Pokoju* («Коммивояжер мира») – неплохо передает ее смысл и содержание. Автор является опытным британским дипломатом, который в 1986 г. был направлен на работу в Секретариат ООН в Нью-Йорке, где непрерывно в течение 11 лет занимал высокую должность заместителя Генерального секретаря, вначале по делам миротворческих операций, а затем по политическим вопросам ООН. Книга имеет мемуарный характер, но в ней представлен глубокий и содержательный анализ, охватывающий первых семь лет работы автора в ООН на ответственном посту заместителя по делам миротворческих операций, причем в период их необычайного расцвета – на рубеже 80-х и 90-х годов прошлого столетия. Это было особенное время в международных отношениях. Окончание холодной войны пробудило надежду на значительное сокращение вооружений и укрепление роли ООН, проявлением чего стал непродолжительный период довольно глубокого единomyслия постоянных членов Совета Безопасности. Возникла чрезвычайно благоприятная атмосфера для разрешения конфликтов мирным путем.

В 1988-1994 гг. количество мирных операций ООН возросло с 5-ти до 17-ти, а состав военного персонала – с 9.570 до 78.000 человек. Бюджет операций с 230 миллионов американских долларов в год достиг 4 миллиардов. Со стороны Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности и Генерального секретаря был совершен огромный прогресс в деле обогащения и развития теоретических основ функционирования миротворческих операций. Такие декларации Генеральной Ассамблеи, как резолюция о превентивности и устранении конфликтов и ситуаций, которые могут угрожать миру и международной безопасности (№ 43/51), а также резолюция по диагностированию Организацией обстановки в отношении сохранения международного миропорядка и безопасности (№ 46/59); сессия Совета Безопасности 31 января 1992 г. на уровне премьер-министров и правительств; *Партнерство ради мира* Бутроса Бутроса-Гали с последующим *Приложением*; ежегодные отчеты Кофи Аннана о деятельности Организации, в том числе отчет по случаю 50-летия ООН (*Мы, народы: роль ООН в XXI веке*); Декларация Саммита тысячелетия Совета Безопас-

ности; беспрецедентный по своему характеру отчет Комиссии экспертов высокого уровня по миротворческим операциям ООН (т. н. отчет Брагимии) или, наконец, отчет Генерального секретаря о предотвращении конфликтов, – все это важнейшие этапы становления и расцвета теории и методологии миротворческих операций, особенно по раннепревентивным мерам.

Вокруг миротворческих операций ООН появилось много недоразумений за прошедшие 50 лет, а точнее, с 1948 г., когда на Ближнем Востоке впервые была применена новая форма контроля над осуществлением перемирия (UNTSO). Она функционирует и сегодня. Год спустя была образована при ООН – также до сих пор действующая – Группа наблюдателей (UNMOGIP) на границе прекращения военных действий после конфликта между Индией и Пакистаном. И только в 1956 г. паралич Совета Безопасности заставил Генеральную Ассамблею ООН утвердить, согласно резолюции *Uniting for Peace*, первую, классическую в современном понимании мирную операцию – Силы быстрого реагирования ООН на Ближнем Востоке (UNEF I), состоящие из регулярных подразделений. Именно тогда были отработаны и применены на практике три основополагающие предпосылки функционирования миротворческих сил ООН: согласие обеих сторон конфликта на их введение, их беспристрастность и применение силы только в случае самообороны. При отсутствии хоть одного из этих элементов нельзя рассчитывать на успех предпринимаемых действий.

В период минувших 55 лет было реализовано 55 миротворческих операций ООН. Если в течение первых 40 лет ООН утвердила всего лишь 15 миротворческих операций, то остальные 40 имели место в период после окончания холодной войны до сегодняшнего дня. В них приняли участие около 800 тысяч солдат вместе со штатским персоналом, годовой же бюджет превысил 26 миллиардов американских долларов. Служа ООН, погибло почти 1750 участников этих операций.

Несмотря на то, что в 1988 г. миротворческие операции ООН получили Нобелевскую премию мира, в Хартии Объединенных Наций не употребляется понятие «миротворческие операции»; не существует также общепринятой дефиниции, ни критериев утверждения таких операций. Когда же Организацию Объединенных Наций ставят в подцензурное положение, не следует забывать, что механизм миротвор-

ческих операций сформировался как результат творческой интерпретации постановлений Хартии ООН в ответ на всё новые вызовы, появляющиеся перед мировой общественностью, и что по сей день она является наиболее универсальной политической организацией в мире. Даг Хаммаршёльд определял миротворческие операции как «Главу VI с половиной» Хартии ООН. На часть вызовов ООН сумел ответить, а с некоторыми не справился. Уроки всех этих испытаний учат многому. Гоулдинг был одним из соавторов, непосредственным участником или свидетелем ряда этих уроков.

Согласно таксономической шкале автора, действия ООН в отношении существующих конфликтов уместаются в одну из пяти категорий: дипломатия на службе мира (*peacemaking*), сохранение мира (*peacekeeping*), построение инфраструктуры мира (*peacebuilding*), санкции (*sanctions*) и налаживание мира силовыми методами (*peace enforcement*). Первые три можно применять лишь при условии согласия конфликтующих сторон. Две последние, как формы принуждения, не нуждаются в согласии той стороны, против которой они направлены. Одновременно автор предпринимает попытку дефинировать понятия «дипломатия на службе мира» и «построение инфраструктуры мира», имеющие кардинальное значение в процессе предотвращения и разрешения конфликтов. Дипломатия на службе мира, по мнению автора, это использование дипломатических средств с целью убедить враждующие стороны в необходимости решения спора, который приведет или может привести к вооруженному конфликту между ними. Классическим примером такой техники является мирное разрешение конфликта в Сальвадоре. Построение же инфраструктуры мира – это последовательные долгосрочные действия по укреплению мира посредством устранения первопричин потенциальных или уже существующих конфликтов на пути к гражданскому обществу. Следует добавить, что в большинстве случаев источники конфликта коренятся в общественно-экономических отношениях.

В сфере операций по сохранению мира Гоулдинг выделяет четыре основных модели:

Традиционные миротворческие операции, главным образом военные и под военным командованием, начинаются сразу после временного прекращения военных действий. Однако они подвержены двум опасностям. Первая связана с тем, что стороны возобновляют между собой вооруженный конфликт

во время проведения таких операций. Тогда не только исчезает повод для начала данной операции, но эта качественно новая ситуация подвергает унижениям и опасности международные силы ООН. Вторая опасность – это те случаи, когда «голубые каски» хорошо соблюдают мандат по сохранению мира, однако они не достигают прогресса в мирных переговорах между сторонами конфликта. Вследствие этого одна из сторон может перестать доверять миротворческому процессу и возобновить военные действия. Одновременно разочарованные правительства могут воздержаться от финансовой поддержки операций или вообще отозвать свой военный контингент. Можно также предположить, что в силу недостаточно убедительного разъяснения конфликтующим сторонам последствий их непреклонности миротворческая миссия ООН может перерасти в часть проблемы, которую она и должна была решить.

Данная модель операции была применена в Афганистане, в конфликтах между Ираном и Ираком, Ираком и Кувейтом, в Анголе и Центральной Америке, в Хорватии и Сомали.

Превентивные миротворческие операции организуются по требованию одной из сторон потенциального конфликта и только на ее территории. К ним можно отнести миссию военных наблюдателей или военно-политическую операцию регулярных подразделений с участием специального представителя Генерального секретаря ООН. Единственной иллюстрацией операции такого типа были Превентивные силы ООН (UNPREDEP) в Македонии (1992-1999).

Многофункциональные миротворческие операции, задачей которых является оказание сторонам поддержки по обеспечению достигнутого в результате переговоров мирного соглашения. Иными словами, «голубые каски» появляются после окончания переговоров. Их мандат не исчерпывается такими традиционными операциями, как контроль за соблюдением прекращения военных действий или охрана буферных зон. Он сложнее и связан с большими затратами. Данная формула предусматривает участие в операции также невоенных компонентов, возглавляемых обычно специальным представителем Генерального секретаря ООН. Примером тому могут служить миротворческие акции в Намибии, Анголе, Сальвадоре, Западной Сахаре, Камбодже и Мозамбике.

Срочные миротворческие операции с особо высокой степенью сложности, применяемые в обстановке действующего воору-

женного конфликта, когда еще не существует соглашения о прекращении военных действий. Такая ситуация возникает вследствие провала более ранних соглашений, касающихся установления и применения на определенной территории традиционных или многофункциональных сил ООН. В таких обстоятельствах логичной реакцией должен быть отказ от проведения операции. Однако Совет Безопасности может неохотно это делать, чтобы избежать впечатления своего рода бессилия. Для обоснования своего функционирования СБ определяет в таких случаях другие задачи в рамках акции. Это преимущественно действия в гуманитарной сфере, с которыми конфликтующие стороны не всегда бывают согласны, особенно тогда, когда целью одной из них являются преследования мирного населения. Отсюда всего лишь шаг к вовлечению операций ООН в вооруженные действия, как это случилось, например, в Конго и Ливане.

Верный традиционной доктрине ООН, по которой средства давления не должны сочетаться с альтернативными действиями, исходящими из полного согласия сторон конфликта, М. Гоулдинг в то же время сознает, что в нынешних условиях такую доктрину нельзя объявлять единственной и абсолютной истиной. Он признает, что ООН в целом слишком медленно приспосабливалась к вызовам новых типов конфликтов. Ибо все чаще мы имеем дело с конфликтами внутри государств, чем с конфликтами между государствами суверенными, согласие которых на применение миротворческих операций является более устойчивым и менее шатким, нежели обещания предводителей внутренних мятежей.

90-ые годы подтвердили необходимость переориентировки доктрины миротворческих операций. Ее новая формула должна была учитывать ситуацию, в которой, несмотря на генеральное соглашение между сторонами, международные подразделения сталкиваются с вооруженным сопротивлением. Это привело к изменению принципов поведения и обеспечению миротворческих акций достаточными силами поражения и военного перевеса. Данная доктрина предусматривает, что – в случае необходимости – силу можно применять против вооруженных элементов или лиц не потому, что они представляют определенную сторону конфликта, а потому, что они творят зло. Первым мероприятием этого типа были Соединенные целевые силы (*Unified Task Force, UNITAF*), учрежденные в

декабре 1992 г. для охраны международной гуманитарной акции в Сомали (делегация Совета Безопасности для соединений под командованием США). Такие же принципы действия были определены для сил ООН и НАТО в Боснии, Косово, Восточном Тиморе и Сьерра-Леоне.

Что касается санкций – экономических и на поставку оружия – как одного из двух средств принуждения в процессе предотвращения конфликтов, сэр Маррэк разделяет точку зрения многих исследователей относительно их неэффективности. Он считает санкции «мертвым инструментом», который редко вынуждает их адресата к изменению поведения. Санкции, как правило, наносят несоразмерный ущерб мирному населению, правящему классу дают возможность нажать большое состояние и могут существенным образом повредить соседним государствам. Неэффективность применения санкций в отношении Ирака с 1990 г. особенно заметно подорвала доверие к этому средству предотвращения конфликтов.

По разным причинам ООН не обладает эффективной боеспособностью. Такая ситуация определяет также ее возможности налаживания мира принудительными средствами. Согласно постановлениям Хартии ООН в этом отношении (статья 43), все члены ООН обязаны предоставить в распоряжение Совета Безопасности, по ее требованию и соответственно специальному договору или договорам, необходимые для сохранения международного миропорядка и безопасности вооруженные силы, помощь и поддержку, с прохождением войск включительно. Попытки применить это правило сталкивались на практике, причем с момента возникновения ООН, с препятствиями, которые порождались климатом холодной войны. Международное сообщество, в свою очередь, вынуждено было прибегнуть к альтернативным решениям: в каждом случае принятия решения о применении принудительных средств Совет Безопасности на основании Главы VII Хартии ООН обращается к государствам-членам с рекомендацией создать многосторонние вооруженные силы – возглавляемые одним из них – и дает им полномочия по выполнению намеченных Советом Безопасности целей. Первая операция этого типа имела место во время корейской войны в 1950 г. Подобная формула была применена в операции освобождения Кувейта от иракской оккупации в 1990-1991 гг.

Автор напоминает, что из пяти названных выше операций ООН лучшего опыта достигла в применении тех, которые

были основаны на согласии сторон, нежели в случае двух остальных, т. е. санкций и принудительных методов. Это вызвано сомнениями относительно эффективности этих форм в разрешении конфликтов, опасениями, связанными с материальными затратами и человеческими жертвами, всеобщим убеждением в миротворческой роли ООН, которая не должна вести войн, но прежде всего высокой чувствительностью мировой общественности к соблюдению принципа суверенности государств. Возможно потому, что большинство вооруженных конфликтов с момента окончания холодной войны имело характер гражданских войн, принцип суверенности и стал для ООН главным ограничителем эффективности в устранении конфликтов. Принцип уважения к суверенитету государств и сейчас составляет главнейшее предварительное условие любых мероприятий на уровне международных взаимоотношений. Однако с момента окончания периода холодной войны имело место несколько прецедентов, которые (чего исключать нельзя), легитимизируя некоторые формы вмешательства ООН во внутренние дела, могут оказаться частью принятой на международной арене практики. Такой постепенной эволюции подхода не избежали и Генеральные секретари ООН. В свете кровавых событий в некоторых африканских государствах, например, в Либерии, уже в 1991 г. Перес де Куэльяр заметил, что международное право не должно отставать от происходящих в международной жизни изменений. Быть может, возникает своего рода равновесие между правами государств в определении Хартии ООН и правами индивидов в понимании Всеобщей декларации прав человека. Уже так понимаемая тенденция может означать, что суверенность не является неприкосновенной. Бутрос-Гали и в своем *Партнерстве ради мира*, и в реакциях на новые кризисы высказывался в пользу более интервенционистской роли ООН. Кофи Аннан уже в начале своего правления признал решительную интервенцию меньшим злом, чем допущение кровавой бойни и смирение с насилием. Автор подчеркивает, однако, что интервенция должна быть коллективным решением и что только Совет Безопасности властен такое решение принять.

Маррэк Гоулдинг не претендует на исчерпывающее описание истории миротворческих операций, в том числе различных и изменяющихся аспектов данной проблематики. Описывает главным образом то, что сам видел и лично испытал, а также то, как он сам реагировал на многие вызовы, с

которым связан один из важнейших постов, который он занимал в ООН. Как искусный *коммивояжер мира*, он использует интересный нарративный метод: собственные рефлексии передает на фоне своих поездок в страны и места, где проводятся миротворческие операции ООН или где предпринимаются другие попытки устранения конфликтов (лишь в 1991 г. он провел 134 дня в пути). Таким образом, читатель получает профессиональную картину политических обусловленностей возникновения и проведения по меньшей мере 14 миротворческих операций, за которые – в 1986-1992 гг. – автор нес ответственность. Вкратце и в хронологическом порядке они охватывали Кипр, Ливан, Палестину, Ирак-Иран, Намибию, Анголу, Мозамбик, Западную Сахару, Центральную Америку, Гаити, Камбоджу, Ирак-Кувейт, Югославию, Сомали. Получается необычайная палитра разнообразия, опыта, профессионального удовлетворения и разочарований. С достойной удивления искренностью и самокритичностью, местами, возможно, преувеличенной («ошибки Организации были моими ошибками»), сэр Маррэк раскрывает кулисы успехов и неудач миротворческих миссий, а также их специфических обусловленностей как неизбежного следствия соотношения сил в мире и аппарата международной бюрократии. Вовлеченность ООН в действия в Намибии, Сальвадоре, Камбодже или Мозамбике вошли уже в историю как примеры позитивных свершений. К сожалению, Сомали, Руанда, Босния-Герцеговина или Ангола не соответствовали критериям успеха миротворческих операций ООН.

В своей книге Гоулдинг предстает прежде всего как профессиональный дипломат. Он ведет нас сквозь гущу действий всемирной Организации в сфере устранения конфликтов и миротворческих акций, оценивает их по собственным критериям, не оглядываясь на потенциальные упреки с какой бы то ни было стороны, сознает бесспорные достижения ООН, но и не уклоняется от резкой критики в ее адрес. Его поражают размытость и несогласованность резолюций Совета Безопасности, который не всегда «ведает, что творит»; критикует вмешательство правительств, которые поставляют военные контингенты в ооновскую гражданскую иерархию командования («порой оперативные абсурды столь велики, что приходится терпеть оспаривание генералами приказов их гражданских начальников»); не льстит и своему «гнезду», Секретариату ООН, где «трудно переварить циничные реалии многосто-

ронней дипломатии»; не мирится со сплетничеством, которое составляет один из «главных грехов» этого органа («сталкивание лбами коллег стало излюбленным занятием в Секретариате»). Автор, как нам кажется, не движим ни личным отчаянием, ни злостью из-за неоправданных ожиданий. Тем более обоснованной представляется серьезная рефлексия со стороны государств-членов ООН и правления Секретариата Организации по поводу реформы функционирования миротворческих операций, которую начал и далеко продвинул нынешний Генеральный секретарь Кофи Аннан.

Рассуждая о существенных аспектах и опыте «своих» операций, Маррэк Гоулдинг намечает несколько главнейших истин, которые имеют фундаментальное значение для успеха любых международных усилий в сфере разрешения конфликтов: миротворческие операции коренным образом отличаются от обычной военной службы; подготовка подразделений к военным действиям в них менее существенна; в ходе посредничества при прерывании вооруженного конфликта требуется особая чуткость в отношении к сторонам; медиатор должен проявлять терпеливость и гарантировать оптимальное количество времени для разъяснения их позиций в переговорах, а также уметь доказать, что лучше согласовать позиции, чем продолжать борьбу; одна из самых трудных задач медиатора – выбор подходящего момента, когда необходимо приступить к резкой риторике убеждения и аргументации.

Книга заканчивается классической для этого типа литературы главой – «Уроки на будущее» (*Lessons Learnt*). В 1994 г. состав военного персонала в 17 операциях по сохранению мира возрос до 78.000 солдат и офицеров. Еще до своего перехода из Департамента миротворческих операций в Департамент по вопросам политики (1993) Маррэк Гоулдинг отдавал себе отчет в том, что материальные средства в распоряжении Секретариата ООН становятся далеко не так велики, чтобы обеспечить растущее ангажирование Организации в данного типа операции. Недостаток средств привел, в частности, к тому, что в работу Секретариата в этой сфере стала вкрадываться всё большая поверхностность. Кроме того, – пишет автор, – «нашу оценку ситуации расслабляло восхищение успехами миротворческих операций непосредственно после окончания холодной войны [...] Одним из симптомов нашей неэффективности было отсутствие сознания, сколь хрупкими должны были оказаться

постановления по крупномасштабной операции в Югославии». Именно тогда ООН испытала самые тяжкие неудачи в Руанде, Сомали и Боснии. За два года состав персонала миротворческих миссий на местах снизился до 20.000. Несмотря на то, что внутренний анализ этих неудач привел к далеко идущему единодушию в самом Секретариате относительно необходимости применить конкретные предохранительные меры, однако эта новая ситуация обернулась ослаблением готовности и интереса ряда правительств к принятию предлагаемых исправительных мер.

Первая группа уроков на будущее связана с самой природой конфликта. Он начинается обычно тогда, когда одна из сторон сочтет, что насилие – самое лучшее, чем она располагает для достижения цели. Конфликт продолжается, ибо другая сторона считает, что то же насилие является лучшим или единственным способом защиты от противника. Таким образом, задачей медиаторов является убедить обе стороны, что продолжение конфликта не приведет к результату, который каждой из них ожидается, и что лучшей альтернативой будет достижение такого разрешения конфликта, которое каждой стороне позволит реализовать часть своих целей.

Гоулдинг разделяет точку зрения некоторых экспертов, что настойчивые уговоры арбитров до тех пор будут неуспешными, пока конфликт – в силу взаимно причиняемых сторонами страданий – не «дозреет» до развязки. Могут пройти годы или десятилетия, пока такой «предел страдания» сделает возможной интервенцию третьей стороны. Поэтому Генеральный секретарь ООН должен «регулярно измерять температуру каждого конфликта» и следить за тем, созрел ли он до переговоров с участием третьей стороны. Одновременно он должен убедить правительства и общественное мнение, чтобы они заранее не предполагали, что «ООН должна что-то сделать» только потому, что идут бои. Чересчур часто ООН, кроме гуманитарной помощи для страдающего мирного населения, не в состоянии сделать ничего более. Небольшие финансовые средства, обеспечивающие дипломатию по сохранению мира, должны в первую очередь резервироваться для конфликтов, которые дают шанс их успешного предотвращения.

Вторая группа уроков на будущее касается договоров об операциях по сохранению мира. Каждой новой операции или расширению заданий уже существующей миссии должны

предшествовать письменные договоренности или договоры между конфликтующими сторонами, а также между каждой из них и ООН. В таких договорах должно содержаться согласие сторон на прекращение огня, подтверждение их согласия на операцию под эгидой ООН и на сотрудничество с ней, определение ее заданий, а также статуса международного персонала на территории, контролируемой каждой из сторон. Переговоры по достижению такого типа соглашений могут оказаться трудоемкими. Генеральный секретарь слишком часто находится под давлением обстоятельств и СМИ, чтобы новую миротворческую операцию вводить безотлагательно и лишь потом согласовывать ее детали. Такого рода соблазнам, по мнению автора, необходимо противостоять, чтобы впоследствии не подвергать всемирную Организацию упрекам какой-либо из сторон.

Успех миротворческой операции зависит также от того, как ее персонал реагирует на нарушение постановлений договора, на основании которого данная операция применяется. Некоторые ситуации требуют смелых решений, так как в этом отношении более универсальных правил поведения не существует. В качестве примера здесь можно указать операции в Анголе и Камбодже. В обоих случаях по крайней мере одна из сторон пренебрегла военными постановлениями мирного соглашения. А это в свою очередь – при не выполнении одного из основных условий соглашения – поставило на повестку дня целесообразность проведения ранее запланированных выборов. В конце концов было принято решение выборы не отменять. Решение оказалось правильным в случае Камбоджи; выборы в Анголе не получились. Ни один из этих случаев не привел к более универсальным обобщениям, кроме одного: риск неуспешных выборов представляется меньше, когда в них соперничают несколько значительных политических партий, как это было в Камбодже, в отличие от Анголы, где в поединок вступили только две партии.

В то же время следует помнить, что в случае нарушения соглашения какой-либо из сторон ООН не может позволить себе бездействие. Стороны должны сознавать решительность Организации, призванной осуществлять контроль за реализацией и соблюдением заключенных ими соглашений. Однако реакция на нарушения не должна унижать виновного в них, например, в присутствии представителей другой стороны или клеймом односторонней критики в периодических

отчетах Генерального секретаря. Наконец, в ситуации нарушения соглашений пользу может принести параллельное действие иных субъектов, как, например, правительств или международных организаций, которые также принимали участие в переговорах по прекращению военных действий или разрешению конфликта мирным путем. В Сальвадоре, к примеру, очень положительную роль сыграла группа под названием «друзья Генерального секретаря ООН».

Третья группа уроков на будущее связана с военным персоналом и полицейскими силами в миротворческих операциях. Правительства формально не обязаны предоставлять их ООН. На основании Хартии ООН государства обязываются предоставить в распоряжение Совета Безопасности, по его требованию и согласно специальному договору или договорам, необходимые для сохранения международного миропорядка и безопасности вооруженные силы, помощь и содействие (статья 42). Холодная война и отсутствие политической воли не способствовали, однако, заключению такого рода договора или договоров. В ситуации, когда подобная акция необходима, как в Корее (1950) или Кувейте (1990), Совет Безопасности уполномочил группу государств применить силу для достижения намеченной им цели. Если же ООН, при согласии конфликтующих сторон, должна обеспечить сохранение мира, Совет поручает командование соединениями Генеральному секретарю. В обоих типах операций участие войск других государств осуществляется по принципу полной добровольности. А это значит, как показывает пример Руанды (1994), что в случае отказа предоставить ООН национальные военные или полицейские контингенты Генеральный секретарь не сможет рекомендовать Совету Безопасности определенные действия. Поэтому с самого начала существования ООН возникают идеи образовать в ней силы быстрого реагирования, которые, однако, по разным причинам, в малой степени пользуются поддержкой правительств.

Участие национальных контингентов в миротворческих операциях ООН – это отдельная и очень пространная тема. Автор «Коммивояжера мира», с искренностью, которую, вероятно, не позволил бы себе в годы работы в Секретариате ООН, формулирует ряд существенных советов в адрес государств, которые поставляют свои контингенты. Целесообразно помнить о них также в нашем польском контексте, как по отношению к участию в миротворческих операциях ООН, так

и очень непростой миссии в Ираке. Вопреки видимости, последняя является хорошим примером послеконфликтной международной операции построения инфраструктуры мира. Сэр Маррэк формулирует шесть требований, которые должны выполнять национальные соединения в миротворческих операциях:

- во-первых, следует посылать лучших; их служба формирует международный образ страны;
- во-вторых, необходимо заранее готовиться к участию в миротворческих операциях; их задачи не идентичны подготовке к войне, хотя могут быть и труднее, и опаснее;
- в-третьих, особенный вес имеет назначение соответствующего командира контингента; им должен быть офицер, который сумеет обеспечить дисциплину и не поддастся традиции потворствовать в некоторых странах эксцессам молодых людей в форме; нарушение общественных норм страны-хозяина настраивает местное общественное мнение против участников миротворческих сил;
- в-четвертых, необходим соответствующий отбор офицеров, которые будут работать в оперативном штабе; именно они – возможно даже в большей степени, нежели регулярные подразделения, – формируют облик своей страны и являются эталоном качества национальной армии;
- в-пятых, уважения требует ооновский уровень командования; следует исполнять приказы командира, назначенного Генеральным секретарем; если же кто-нибудь в приказе сомневается, должен доложить об этом в штаб-квартиру ООН в Нью-Йорке;
- в-шестых, командующий контингентом должен действовать так, чтобы его подразделение не отличалось от остальных сил, частью которых является, и не претендовало на более значимую роль в стране дислокации.

Четвертую группу уроков, вытекающих из опыта автора книги, составляют замечания относительно методов работы и возможностей Секретариата ООН по эффективному реагированию на возникающие конфликты и опасения. Среди многих факторов, которые определяют будущее миротворческих операций, главнейшие связаны с нехваткой средств, а также с соответствующим образом поведения международного персонала.

Наконец, последняя порция уроков на будущее касается роли государств-членов ООН. Именно они в конечном счете принимают решение относительно задач операций по сохранению мира и их финансированию. Причиной большинства неудач в 90-ые годы было отсутствие полного согласия между заинтересованными правительствами и Генеральным секретарем. В Западной Сахаре Перес де Куэльяр навязал свой план действий, пренебрегая обеспокоенностью правительств по поводу недостижения согласия сторон конфликта на его реализацию. В Сомали государства-члены ООН сдержанно отнеслись к решению Бутроса Бутроса-Гали ввести пакистанский батальон в Могадишо. В случае Боснии правительства не повиновались Генеральному секретарю, который считал неверным создание «зон безопасности», а затем отказали ему в средствах, необходимых для осуществления этой концепции. Маррэк Гоулдинг подвергает критике подобные ситуации, особенно тогда, когда правительства навязывают Генеральному секретарю невозможные для исполнения задания и одновременно отказывают ему в нужных для их реализации средствах. Бутрос-Гали утверждал, что в Генеральном секретаре государства-члены, вероятно, слишком часто видят козла отпущения, на которого можно свалить ответственность за собственные недоработки.

В целом *Peacekeeper* – это очень поучительная книга, написанная живым языком, с достойной наивысшей похвалы компетентностью. Можно надеяться, что вскоре автор пожелает издать свои размышления по поводу остальных четырех лет работы в Секретариате ООН, когда Департамент по вопросам политики занимался, в частности, деятельностью широко понимаемой превенции, в том числе ранней превентивной дипломатией, наглядным примером которой были действия в Македонии (1992-1999).

Хенрик Ян Сокальски

А. И. Солженицын. *Двести лет вместе*. – Часть II. – Москва: Русский путь, 2002. – 549 с.¹³

**Во всем (почти) виноваты евреи...
(Солженицын о евреях в России после 1917 года)**

Нельзя обойти вниманием последнюю книгу лауреата Нобелевской премии, являющуюся продолжением первого тома, который писатель посвятил евреям в России в период от разделов Польши до революции 1917 года. Нелегко, однако, провести глубокий анализ ее содержания, ибо она представляет собой собрание различных подробных сведений, не столько служащих основательному описанию рассматриваемых в ней проблем, сколько подобранных таким образом, чтобы проиллюстрировать тезисы, вытекающие из априорных убеждений самого автора. Они чередуются с обобщениями и суждениями, в целом довольно слабо документированными, но провозглашаемыми с убеждением пророка, открывающего абсолютные истины, хотя на самом деле эти взгляды давно и широко известны по антисемитским изданиям. В общем книга навязывает один главный вывод: наличие евреев в России или же в СССР – это постоянная угроза, порой даже катастрофа для русских и прочих славян, причем, отметим, отношение Солженицына к украинцам явно неоднозначное, отчего и создается впечатление, что он не хочет признать их отдельной нацией (ср., например, слова автора: «украинский сепаратизм», «если настойчиво отличать украинцев от русских»; С. 140, 210). Отдельность «малороссов» подчеркивает писатель только в тех местах, где речь идет об антисемитизме и погромах до 1917 г., стремясь таким образом снять вину с русского народа. Однако он забывает отметить, что в украинских городах проживали прежде всего русские и евреи, украинцы же в подавляющем большинстве были крестьянами.

Несомненным достоинством книги, отличающим ее от произведений польских авторов вроде, например, Ежи Роберта Новака, является ее литературная форма, сдержанность в определениях (в частности, автор избегает грубых выражений, которыми изобилуют бульварные издания, встречаемые на уличных прилавках в Польше), а также продуман-

---

¹³ См. также Ежи Томашевски: А. И. Солженицын. *Двести лет вместе*. – Часть I. – Москва: Русский путь, 2001 // Европа, t. 1, nr 1 (2), 2002 - С. 267-278.

ное, логичное построение книги в целом. В этом проявляется талант выдающегося писателя. К сожалению, это и есть единственное, по-моему, достоинство книги, ее же содержательная ценность мизерна. Автор не историк и не пытается им выглядеть, но выступает в роли идеолога, мыслителя и мудреца, который хочет показать еврейско-русские взаимоотношения, взвесить вину обеих сторон, задумывается над отношением евреев к большевизму, особенно в его сталинском варианте, над их отношением к российской родине и возможностями их ассимиляции, а также над факторами, которые делают ее невозможной. Я понимаю и не оспариваю того, что в такой роли писатель не обязан обращаться к архивам и открывать неизвестные до сих пор источники, он может ограничиться литературой, прессой, разработками историков и социологов, опубликованными воспоминаниями, подтвержденными собственным опытом гражданина Страны Советов, тяжело пострадавшего от существующей в ней системы, рассказами товарищей по несчастью, политических эмигрантов, иногда случайных лиц.

У историка, однако, появляются два основных упрека по поводу источников, которые упоминаются в книге. Первый упрек связан с их специфической выборкой, т. е. отсутствием многих ценных книг и статей, вышедших на известных автору языках. Вспомним, к примеру, книги и статьи Мордехая Альтшулера, Цви Гительмана, Ричарда Пайпса, Шимона Редлиха. Можно не разделять мнения их авторов, но, претендуя на создание серьезного анализа еврейско-русских взаимоотношений в XX столетии, нельзя не учесть их трудов и помещенной в них документальной библиографии. Второй упрек относится к некритичному использованию многих приводимых сведений. Солженицын охотно верит цитируемым авторам (в особенности еврейским), когда они дают выгодные для него факты или высказывают близкие ему мысли, и не доверяет тем, кто имеет другое мнение. Редко, однако, старается представить аргументы, которые обосновывали бы его доверие или недоверие.

Значительные части произведения напоминают адресную книгу. Автор перечисляет фамилии и должности – государственные и партийные, занимаемые евреями (или русскими, выходцами из семей с еврейскими корнями), иногда добавляет к ним избранные биографические данные, в которых подчеркивает поступки, оцениваемые им как неблагоприятные

или преступные. Не забывает, правда, и о том, что многие из перечисленных – особенно те, кто играл большую роль в первое десятилетие после революции, – оказались в тюрьмах и лагерях или стали жертвами тайных или явных смертных приговоров после 1930 г. Ведь Солженицын прекрасно разбирается в хитросплетениях советской политики по отношению к нерусским народам и замечает периоды гонений, а также более или менее скрытой дискриминации евреев. Ибо книга содержит картину этих перемен, показывает извилистые линии национальной политики СССР (но, что примечательно, упускает из виду последовательную русификацию, уничтожение культур других народов, начатое еще до 1930 г.), представляет разные явления и факты, включая драматическое «дело кремлевских врачей» и его завершение после внезапной смерти Сталина. Все сопровождается, однако, литературными и мыслительными конструкциями, которые невольно напоминают речь шекспировского Антония над трупом Цезаря, переплетаемую формулой «and Brutus is an honourable man» (а Брут и вправду человек чести)! С той только разницей, что у Солженицына конструкция непостоянная. Есть в книге фрагменты, в которых поначалу представлены положительные, по мнению писателя, факты, касающиеся евреев, но, когда читатель начинает уже думать, что автор на самом деле стремится дать объективную картину действительности, тут же оказывается, что это иллюзия и что эти факты он рассматривает как единичные, а далее следует перечень якобы еврейских злодеяний. Или наоборот, перечень открывается преступными именами и описанием проявлений зла, причиненного евреями нищему и несчастному русскому народу, а для украшения даются несколько фраз, указывающих на немногие исключения; читатель, дескать, должен помнить, что хотя и редко, но попадаются и порядочные евреи. Следует при этом заметить, что Солженицын противопоставляется обобщенным суждениям обо всем народе, справедливо возражает авторам подобных негативных обобщений, но лишь тогда, когда это касается русского народа (ср. С. 457-459).

Солженицын несомненно прав, когда он подчеркивает, что евреи в среднем были в лучшем положении, чем колхозные крестьяне. Большинство жило в городах и поэтому пользовалось относительной личной свободой, в то время как колхозники на протяжении многих десятилетий находились в подневольном положении, как крепостные в первой половине XIX в.,

не имели документов, позволяющих менять место жительства и работу. Условия жизни деревенского люда во многих отношениях были более тяжелыми, чем в городах, особенно больших, хотя и не во всех регионах. Поэтому непонятно, почему в других местах книги автор удивляется, что попытки советских властей заселить евреями сельскохозяйственные районы закончились неудачей, подобно тому, как это произошло еще во времена царствования Николая I.

Одна из основных проблем, с которой Солженицыну не удалось справиться, состоит в том, что по сути дела он не знает, кого следует считать евреем. Он, правда, начинает свои рассуждения именно с этого вопроса и ссылается на разные точки зрения, приходя сначала к выводу, что наиболее верное определение дал Амос Oz: «Еврей – это тот, кто соглашается быть евреем. [...] Быть евреем означает участвовать в еврейском настоящем [...] и разделять ответственность за несправедливость, содеянную евреями как евреями». От себя добавляет: «Вот такой подход мне кажется наиболее верным» (С. 10-11). Вскоре, однако, оказывается, что читатель, который принял это всерьез (как римлянин, внимающий речи Антония), заблуждается, ибо далее, в связи с принятием евреями культуры окружения и ассимиляцией, мы читаем: «Да, евреи, удивительно сочетая в себе племенную верность и универсализм, талантливо перенимают культуру окружающих народов [...] но [...] такая круговая адаптация почти никогда уже не имеет возможности погрузиться в самую глубину традиции и истории корневой народной жизни» (С. 14). Иными словами, хотя евреи и могут принять язык и культуру окружающего народа (стоило бы добавить, что в условиях сталинского режима, кроме русификации, у них не было иного выбора), но как в советской России, так и в других странах они остаются «чужими» среди «коренного народа». А будучи чужими, они не должны вмешиваться в дела других народов, даже если обладают всеми гражданскими правами. Последний тезис Солженицын доказывает с помощью цитат из работ еврейских авторов или тех, кого он евреями считает.

Это не слишком оригинальный взгляд, ибо его пропагандируют многие другие писатели и политики, выдвигающие националистические лозунги и отстаивающие модель «национального государства», в котором меньшинства (а также те, кто ими считается) должны помалкивать, радоваться тому, что им разрешают жить, селиться и работать в качестве «гостей», они

должны соблюдать законы, устанавливаемые представителями «коренного народа» и не вмешиваться в общественные дела. Нам хорошо известна такая формула из истории Польши в XX столетии, а ее последовательное соблюдение обернулось убийством президента Габриэля Нарутовича. Конечно, подобная позиция противоречит равенству гражданских прав (даже если «гости» такие права имеют, им нельзя ими пользоваться). Заметим, что в новейшей истории Европы наиболее последовательно эти принципы воплощал в жизнь III Рейх в т. н. «нюрнбергских законах» и дополнениях к ним в последующие годы, и этому примеру следовали государства, находящиеся под его влиянием. Там были сформулированы правила, которые определяли, кто является евреем. Из рассуждений Солженицына не вытекает, однако, до какого поколения следует исследовать генеалогию, чтобы отличить «своих» от «чужих», которые маскируются «исконно славянскими» именами и фамилиями, чтобы их не разоблачили. Заметим, впрочем, что имена Александр и Исай к славянским не принадлежат.

В этом месте можно было бы завершить характеристику новейшей книги писателя, который получил Нобелевскую премию не только за художественные достоинства великого труда о советских исправительных лагерях, но и за содержащиеся в нем гуманистические ценности, за смелый голос в защиту прав человека и гражданина. Не впервые случается, что всей своей дальнейшей деятельностью лауреат не оправдывает честь, которой был удостоен.

Остановимся еще на нескольких отдельных вопросах. Солженицын как будто не знает, что отмена «ограничений в правах российских граждан, обусловленных принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности» (С. 29), проведенная Временным правительством весной 1917 г., касалась не только евреев, но также лиц других конфессий и национальностей, и при этом не замечает, что дискриминация в царские времена предусматривала более суровые меры наказания за некоторые преступления для исповедующих иудаизм. На евреях лежит вина за революцию: «Февральская революция была совершена – русскими руками, русским неразумием. В то же время в ее идеологии – сыграла значительную, доминирующую роль та абсолютная непримиримость к русской исторической власти, на которую у русских достаточного повода не было, а у евреев был. И русская интеллигенция усвоила этот взгляд» (С. 42). От

революции выиграли евреи, так как в 1917 г. наступил расцвет еврейской политической жизни, их культуры и просвещения, русские же от революции проиграли. «Все это производит особое впечатление на фоне общероссийской дезорганизации государства, хозяйства и культуры» (С. 43). Антисемитизм вызвали сами евреи: «К моменту Февральской революции никакого „народного антисемитизма“ во внутренней России не было, он был только в черте оседлости» (С. 65). В 1917 г. начался приток евреев из-за рубежа (Германия, США, Канада, Англия), которые стали занимать «высокие посты» (С. 52-55, 76-77, 105-106), что вызывало негодование «коренного» населения и неприязнь к узурпаторам.

Следует добавить, что исследователи, не известные (так ли?) Солженицыну, отмечают массовое бегство евреев, да и не только евреев, из охваченной революцией России. Впрочем, мы далее читаем, что «в массе своей еврейское население относилось к большевикам настороженно, если не враждебно» (С. 81), а еще далее, на основании скорее случайных источников, мы узнаем о большой еврейской эмиграции. Но так как революция принесла наконец-то свободу евреям, они с ней вскоре смирились и захватили власть на самых разных уровнях. К тому же еврейская эмиграция, хотя и бежала из России, имела специфический характер: «Назвать еврейскую эмиграцию пробольшевицкой – нельзя. Но большевицкий строй не был для нее главным врагом, а у многих сохранилась к нему и благосклонность» (С. 179). Немалую помощь большевикам оказали евреи из других стран, особенно финансисты из США (ср. С. 102, 103, 105). Она продолжалась также в 30-ые годы (ср. С. 279-280). Хотя Солженицын признает, что евреи, а по крайней мере часть из них, пострадали от политики советской власти уже до 1941 г., но даже в лагерях они находились в лучшем положении: «Но в лагерях, где я сидел [...] евреям, насколько можно обобщать, жилось легче, чем остальным» (С. 331), хотя «конечно, я знал и таких евреев [...] кто нес тяготы общих работ» (С. 337). И снова получается исключение из правила.

Перечень диковинных цитат можно множить. У меня такое впечатление, будто Солженицын и вправду стремился дать объективную картину роли евреев в истории России – с Февральской революции 1917 г. до наших дней, старался представить факты, за которые возлагал ответственность на еврейскую общественность в России и мире, а также показать предполагаемую вину евреев в отношении русского народа, в

то же время помня о еврейских обидах и страданиях. Однако он не сумел освободиться от стереотипов, отчасти сложившихся еще в XIX в., а отчасти возникших во время революции и после нее. Отсюда родились противоречия, и прежде всего пренебрежение элементарным принципом демократической системы – равенством прав и обязанностей гражданина, признанием евреев (а также русских выходцев из еврейских семей) такими же хозяевами российской земли, как русские, а не пришельцами, не имеющими морального права влиять на судьбу государства. Следует, впрочем, напомнить о том, что автор упустил из виду уже в первом томе своего труда: евреи оказались в российской империи не по собственной воле, но в результате присоединения земель Польско-Литовского государства, где жили на протяжении многих веков.

Литературные достоинства книги не меняют факта, что – независимо от интенции выдающегося писателя – это антисемитское произведение, написанное без достаточных исторических и социологических знаний, без знакомства с принципами добросовестной работы историка, и поэтому лишенное научной ценности, хотя и создает видимость авторской эрудированности. Таким образом, она может служить только националистической агитации, причем не только против евреев.

Своеобразной иронией является буквенное обозначение серии, в которой книга вышла в свет, т. е. анаграмма ИНРИ (Исследования Новейшей Русской Истории). В христианской традиции INRI читается как «Иисус из Назарета Царь Иудейский». Я не сомневаюсь, что Александр Исаевич Солженицын является глубоко верующим православным человеком. Это склоняет к перефразированию известного польского изречения: он уже православный, но еще не стал христианином.